

Д. Е. Алимов

ХОРВАТЫ И ГОРЫ: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ХОРВАТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВАРСКОМ КАГАНАТЕ*

Известия письменных источников, которые, начиная с IX в., фиксируют проживание хорватов в разных частях Центральной Европы, как и наличие на ее карте немалого количества топонимов, очевидно, произведенных от слова «хорват», обычно интерпретировались в историографии как следы существования в более или менее

* Работа выполнена при поддержке ACLS (American Council of Learned Societies), краткосрочный грант 2010 г.

отдаленном прошлом единой этнической общности, носившей название хорватов. Подобное представление, которому трудно отказать в логичности, как казалось, хорошо соотносилось и с известиями нарративных источников X–XIII вв. о ранней истории Далматинской Хорватии, согласно которым хорваты пришли в Далмацию с территории древней прародины, располагавшейся в Центральной Европе к северу от Балканского полуострова¹.

Между тем, отсутствие в источниках упоминаний о хорватах вплоть до IX в., а также трудности согласования позднейшей информации о переселении хорватов на Балканы с реалиями, восстанавливаемыми по более ранним источникам, создавали благоприятную почву для появления альтернативной концепции хорватского «этногенеза». Ее сторонники пытались обосновать тезис о том, что первоначальные хорваты не являлись этнической общностью, представляя собой социальный слой Аварского каганата². В последнее время важный импульс к развитию идеи, согласно которой название «хорват» первоначально не имело этнического значения, дало рассмотрение хорватского «этногенеза» с позиций конструктивистского подхода к пониманию этничности, позволившее Д. Дзино сместить фокус исследовательского внимания с проблемы «происхождения хорватов» на проблему «становления хорватами»³. В обоснование мнения о том, что формирование хорватской этнической общности неоправданно возводить к эпохе, предшествовавшей образованию Аварского каганата, может быть привлечена и этногенетическая традиция далматинских хорватов, лежащая в основе рассказа об их переселении на Балканы, содержащегося в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). Рассмотрение хорватского «*origo gentis*», ставящего в начало хорватской истории конфликт с аварами, в сравнительно-историческом контексте позволяет думать,

¹ Литература о происхождении хорватов и их появлении на Балканах практически необозрима. См. очерки историографии вопроса за разные периоды: *Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906. D. II. S. 251–262; Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. 2. izd. Zagreb, 1990. S. 241–265; Nahtigal R. Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat // Etnolog. Ljubljana, 1937–1939. Knj. X–XI. S. 383–413; Zástěrová B. Hlavní problémy z počátku dějin slovanských narodů // Vznik a počátky Slovanů. Praha, 1956. T. I. S. 34–45; Lowmiański H. Początki Polscy. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. Warszawa, 1964. T. II. S. 114–142; Новаковић П. Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). Београд, 1978. С. 215–350; Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. Zadar, 1992. Sv. 14. S. 375–448; Švab M. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 54–60; Ферјанчић Б. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) // ЗРВИ. 1996. Књ. 35. С. 117–125; Fine J. V. A. Croats and Slavs: Theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // BF. 2000. Bd. 26. S. 205–218; Heyduk J. Žródla do tzw. etnogenezy Chorwatów dalmatyńskich w świetle nowej literatury // SA. T. XLIV. 2003. S. 33–51; Майоров А. В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 85–94.*

² Об истории концепции см.: *Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 1995. Vol. 28. S. 30–38.*

³ См.: *Dzino D. 1) «Biti», «Činiti» i «Znati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu «Hrvatska povijest devetoga stoljeća» Ivana Mužića) // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. Split, 2006. S. 17; 2) «Становитесь славянином», «становитесь хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 37–58; 3) Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 2009. Knj. 41. S. 33–54; 4) Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden, 2010. P. 175–210.*

что далматинские хорваты первоначально были элементом аварской социально-политической структуры⁴.

В свете этого становится понятным, что путь для становления хорватской этнической общности в Далмации открылся только с политизацией названия «хорват», то есть с превращением хорватской групповой идентичности в идентичность этнополитической единицы. В этом длительном процессе явственно прослеживаются два важных этапа, первый из которых определялся политической эмансипацией носителей имени «хорват» от Аварского каганата⁵, а второй — усвоением хорватской элитой пришедшего из Франкского государства этнического дискурса, позволившего ей репрезентировать себя в качестве «народа хорватов»⁶. Логично допустить, что похожие процессы могли происходить и в других частях Европы, где со временем начинают складываться этнополитические единицы, выступающие в источниках под названием хорватов.

Хотя сама по себе гипотеза о наличии в Аварском каганате социального слоя, именовавшегося хорватами, представляется в связи с этим весьма привлекательной и — что немаловажно — хорошо согласующейся с имеющимися в нашем распоряжении данными, позволяющими до некоторой степени судить об этнокультурной принадлежности древнейших хорватов⁷, скудость информации о внутреннем устройстве державы аваров приводила к тому, что мнения исследователей, пытавшихся конкретизировать статус и функции носителей названия «хорват», существенно разнились. Так, О. Кронштайнер, опираясь, главным образом, на характер размещения топонимов, произведенных от названия «хорват», в восточно-альпийском регионе, высказал идею, согласно которой носители названия «хорват» выполняли функции пограничной стражи Аварского каганата⁸. Данная мысль, поддержанная Х. Вольфрамом⁹, а впоследствии Н. Будаком¹⁰, получила особое развитие в трудах В. Поля, приписавшего социальному слою хорватов важную роль в этногенетических процессах

⁴ См.: Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 94–116.

⁵ Там же. С. 106–107.

⁶ Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»... С. 54. — Тезис Д. Дзино находит подтверждение в результатах анализа хорватской этногенетической традиции (см.: Алимов Д. Е. «Франкский эпизод» хорватской этногенетической традиции: Идеологический аспект // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010. С. 8–12).

⁷ На вероятность алтайской языковой принадлежности хорватов или, по крайней мере, присутствия среди них алтайского элемента указывают, прежде всего, приводимые в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» имена семи легендарных хорватских вождей, некоторые из которых были убедительно интерпретированы финским лингвистом Й. Микколой как тюркские (см.: *Margetić L. Dolazak Hrvata*. Split, 2001. С. 21–26, 196–198). Впрочем, этнокультурному контексту «полиэтничной» аварской «империи» не противоречит и возможное присутствие среди хорватов иранцев, адыгов (касогов), славян или германцев, то есть тех языковых общностей, к которым хорватов традиционно относили авторы основных теорий их «происхождения». Обзор этих теорий см. в примеч. 1.

⁸ *Kronsteiner O. Gab es unter den Alpen-slaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 24. Wien, 1978. S. 137–157.

⁹ *Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Wien; Köln, 1979. S. 9.

¹⁰ *Budak N. 1) Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern*. T. 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 129–136; 2) *Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb, 1994. S. 11–12, 67–69.

на бывших окраинах каганата, ушедших после 626 г. из-под аварского контроля¹¹. В то же время О. Прицак в соответствии со свойственным этому исследователю представлением о внутренней организации *Pax Avarica*¹² рассматривал аварских хорватов в качестве аланского клана, игравшего важную роль в Аварском каганате благодаря своим торговым и политическим функциям¹³. Наконец, относительно недавно Л. Маргетич предпринял попытку обосновать гипотезу, согласно которой первоначальные хорваты представляли собой военно-политическую элиту Аварского каганата в так называемый «среднеаварский» период (630–670-е гг.). Отталкиваясь от старинной идеи о происхождении названия «хорват» от имени болгарского вождя Кубрата/Кровата¹⁴, позволившей Л. Маргетичу вслед за А. Грегуаром связать с восстанием Кубрата внутренний кризис, разразившийся в Аварском каганате в 630-е гг., исследователь впервые широко использовал в рассмотрении данного вопроса выводы археологов, отмечающих наличие сходных черт в материальной культуре кочевнических элит Подунавья среднеаварского периода и Поднепровья периода существования державы Кубрата¹⁵. Последнее обстоятельство стало одним

¹¹ Pohl W. 1) Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I / Hrg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293–298; 2) Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 261–268; 3) Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 86–96.

¹² См., например: Pritsak O. The Slavs and the Avars // Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. XXX. Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. Spoleto, 1983. P. 353–435.

¹³ Pritsak O. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 30. studenog – 5. prosinca 1985. Split, 1990. S. 23–39.

¹⁴ Уже в середине XVIII в. венгерский историк С. Тимон высказал предположение о происхождении названия хорватов от имени Кубрата (Кровата), правителя так называемой Великой Болгарии (см. об этом: Šišić F. Povijest Hrvata... S. 236, bilj. 1). В первой половине XIX в. похожую идею в Хорватии развивал И. Швейр (см. об этом: Mužić I. Hrvati i autohtonost na tlu rimske provincije Dalmacije. 7. izd. Split, 2001. S. 425). На этом же основании Г. Ховорт считал пришедших на Балканы хорватов одной из групп тюрков-болгар (*Howorth H. The Spread of the Slavs. Part IV. The Bulgarians* // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1882. Vol. XI. P. 224). Дж. Б. Бьюри, не связывая напрямую хорватов с историческим Кубратом, тем не менее, высказал предположение о том, что имя Кровата было именем древнего эпического героя разных болгарских групп, с одной из которых связано происхождение хорватов (*Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800)*. Vol. II. London, 1889. P. 275–276). А. Грегуар связал приход хорватов на Балканы с восстанием Кувера, о котором сообщают «Чудеса св. Димитрия Солунского». Отождествив Кувера с Кубратом и легендарным Хроватом, одним из семи вождей, приведенных, согласно 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», хорватов на Балканы, исследователь выдвинул тезис об образовании в 630-е гг. в результате распада Аварского каганата обширной, хотя, возможно, и довольно эфемерной, державы Кровата-Кубрата (*Grégoire H. L'origine et le nom des Croats et des Serbes* // Byzantion. 1944–1945. Vol. 17. P. 88–118). О. Каратай, недавно выдвинувший тезис о тюрко-огурском происхождении хорватов, производит название «хорват» от имени гипотетического огурского вождя VI в., носившего то же имя, что и болгарский вождь Кубрат (*Karatay O. 1) Hırvat Ulusunun Oluşumu: Erken Ortaçağ'da Türk-Hırvat İlişkileri*. Ankara, 2000; 2) Oğur Connection in the Migration of Croats and Serbs // The Turks / Ed. by O. Karatay et al. Ankara, 2002. Vol. I. P. 553–561; 3) In Search of the Lost Tribe: The Origins and Making of the Croatian Nation. Çorum, 2003).

¹⁵ Археологические материалы с территории Аварского каганата позволяют связывать с 630-ми гг. начало так называемого «среднеаварского» периода, характеризующееся значительными переменами в материальной культуре, появлением новых политических центров и связанных с ними погребений знати, что указывает на, вероятно, произошедшую в этот период смену элит. Интересно, что при этом некоторые яркие памятники Карпатской котловины, такие как погребальный комплекс в Кунбабонь, интерпретируемый как место погребения аварского кагана, обнаруживают сильное сходство с памятниками круга Перещепины, приписываемыми рядом археологов болгарской кочевнической элите Поднепровья (подробнее см.: *Гавришук И. О.*

из оснований для сформулированной Л. Маргетичем гипотезы, согласно которой при Кубрате/Кровате произошло не только высвобождение болгар из-под власти аваров, но и распространение его политического влияния внутри Карпатской котловины, ознаменовавшееся утверждением у власти новой военной элиты — «хрватов» (людей Кровата), сохранявших свои позиции до 670-х гг., а затем оттесненных на окраины Аварского каганата (в том числе в Далмацию) новой волной пришельцев с востока¹⁶.

На этом фоне дальнейшее обсуждение вопроса о статусе хорватов в Аварском каганате может показаться бесперспективным из-за недостатка источников. Однако нам представляется, что возможности для такого обсуждения не исчерпаны полностью. Для продолжения дискуссии необходимо, прежде всего, соотнести с гипотетическими реконструкциями, предложенными сторонниками «аварской модели» хорватского «этногенеза», письменные известия о расселении хорватских групп в раннее Средневековье, а также материалы топонимики, ранее трактовавшиеся исключительно с позиций существования в прошлом единого хорватского «племени»¹⁷. В этом же ключе должны быть задействованы и археологические материалы аварской эпохи, позволяющие определить сферу политического влияния каганата в Центральной и Восточной Европе в ее исторической динамике. Немаловажным представляется также рассмотрение данной модели в сравнительно-исторической перспективе, что требует, в первую очередь, вовлечения в процесс реконструкции аварско-хорватских взаимоотношений обширного фонда информации о соотношении и характере групповых (политических, социальных и пр.) идентичностей в типологически близких Аварскому каганату политиях — так называемых «кочевых империях» раннесредневековой Евразии¹⁸. Понятно, что следование данным путем предполагает осуществление исследования целого ряда «частных» вопросов. В настоящей статье мы ограничимся тем, что обратим внимание на одну характерную черту географического размещения хорватских групп в Европе, а также наметим подходящий путь для ее осмысления в контексте социально-политической истории Аварского каганата.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют говорить о существовании между 800 и 1000 гг. в разных местах Европы нескольких групп, именовавшихся хорватами. Это так называемые далматинские хорваты на Балканах, две хорватские группы в Восточных Альпах, так называемые карпатские

Хронология «среднеаварского» периода. Донецк, 2002). В своих построениях Л. Маргетич в значительной степени отталкивался от сформулированной Д. Ласло теории так называемого «двойного» каганата, в рамках которой это сходство получило гипотетическое объяснение (см.: *László Gy. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // Acta Hungarica. Budapest, 1955. Vol. 34. P. 284*).

¹⁶ *Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata. S. 38–56.*

¹⁷ См. основополагающие исследования, в которых раннесредневековые хорватские группы и топонимы, образованные от названия «хорват», интерпретировались как следы миграций частей некогда единого «племени»: *Niderle L. Slovanské starožitnosti. D. II. Praha, 1906. S. 263–271; Grafenauer B. 1) Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // ZČ. 1950. Št. 4. S. 45–47; 2) Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 33–38, 42–44; Barada M. Hrvatska diaspora i Avari // SHP. Ser. III. 1952. Sv. 2. S. 7–17; Lowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. II. Warszawa, 1964. S. 182–200.*

¹⁸ О понятии «кочевая империя» см.: *Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 314–336.*

хорваты в Восточных Карпатах, а также с трудом локализуемая хорватская группа, находившаяся где-то по соседству с чехами и мораванами. Не исключено, что к перечисленным древнейшим хорватским группам следовало бы добавить также таинственных дуклянских хорватов, упоминания о которых в источниках относятся к XI–XIII вв.¹⁹, однако информации о присутствии хорватской идентичности в Дукле слишком мало²⁰, чтобы можно было локализовать здесь один из древнейших хорватских центров, как это иногда делается в историографии²¹. Что касается топонимов, образованных от названия «хорват», то привлекаться к локализации хорватских групп, на наш взгляд, могут лишь те из них, которые зафиксированы в раннесредневековых источниках, тогда как привлечение (в качестве сугубо вспомогательного материала) остальных топонимов требует как минимум специальных оговорок²². При этом, разумеется, необходимо учитывать, что топонимы, образованные от названия «хорват», фиксируют хорватские поселения, обособленные от основных хорватских групп или находящиеся на их границах с нехорватскими группами²³.

Если вынести за скобки изолированные хорватские топонимы и исходить главным образом из информации письменных источников о хорватских группах раннего Средневековья, то можно заметить, что, по крайней мере, некоторые из них могут быть локализованы на территориях, лежавших поблизости от горных массивов. О том, что данное наблюдение справедливо в отношении далматинских хорватов, первые известия о которых в письменных источниках относятся к середине IX в.,²⁴

¹⁹ Обзор свидетельств византийских авторов, упоминающих хорватов в Дукле, см., например: *Kovacević J.* Од досельења Словена до краја XII вијека // *Историја Црне Горе*. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. Титоград, 1967. С. 299–300. — В латинской редакции *Летописи попа Дуклянина* в качестве обозначения части территории Далмации, протянувшейся от Дувна до Бамбалоны, отождествляемой здесь с Диррахием, фигурирует название «*Croatia Rubea*» (Червоная Хорватия) (*Летопис Попа Дуклянина / Уредно Ф. Шишић*. Београд; Загреб, 1928. С. 306). Топонимы, очевидно, образованные от названия «хорват», зафиксированы в позднейшую эпоху на территории Албании, Македонии, Греции. (см.: *Mandić D.* Hrvatski Sabor na Duvanjskom polju god. 753 // *Idem.* Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. Rim, 1963. S. 159; *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // *HZ*. 1984. God. 37 (1). S. 216, bilj. 23).

²⁰ О проблеме дуклянских хорватов с обзором мнений см.: *Babuš B.* Хрватске земље у ранофеудално доба // *Историја народа Југославије*. Књ. I. Београд, 1953. С. 225–226; *Klajić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. 2. izd. Zagreb, 1975. S. 19–20; *Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował J. Leśny*. Warszawa, 1988. S. 140; *Lešny J.* Studia nad początkami Serbskiej monarchii Nemaniczków (połowa XI – koniec XII wieku). Wrocław, 1989. S. 23–26, przyp. 44.

²¹ См. особенно: *Mandić D.* Crvena Hrvatska u svjetlu povijesnih izvora. Chicago, 1957; *Košćak V.* 1) O nekim pitanjima hrvatske povijesti... S. 212–216; 2) *Dolazak Hrvata* // *HZ*. 1987. God. 40 (1). S. 381–382. — Из новых работ см., например: *Crnković N.* Hrvati za narodnih vladara. Puti i stranputice. Novalja, 2007. S. 149–180.

²² В пользу большей осторожности в использовании топонимов, образованных от названия «хорват», говорит и основанное на древнейших зафиксированных источниками формах этого названия предположение Р. Катичича, согласно которому форма «хрваты» (хрваты) была более древней, тогда как форма «хорваты» распространилась позднее: *Katičić R.* Ime, podrijetlo i jezik Hrvata (Etnogeneza hrvatskoga naroda) // *Povijest Hrvata*. Knj. I. Srednji vijek. Zagreb, 2003. S. 40–42.

²³ См. об этом: *Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. S. 182–183.

²⁴ См. подробно: *Budak N.* Identities in early medieval Dalmatia (seventh – eleventh centuries) // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe* / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. Turhout, 2008. P. 237–239. — Возможно, что древнейшее известное свидетельство использования названия «хорват» на территории Далмации относится еще к началу IX в.: этим временем предположительно датируется упоминающая это название надпись на фрагменте алтарной преграды, происходящей из церкви св. Марты в Биячи. См.: *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split, 1996. Kat. 10.

когда под их контролем находилась уже немалая часть Далмации, свидетельствуют материалы археологических раскопок, дающие возможность для более точной локализации первоначального ядра хорватской политики. География находок VII–VIII вв., атрибутируемых пришедшим в Далмацию славянам, дала возможность И. Голдштейну высказать убедительную гипотезу, согласно которой пришлый элемент (славяне и хорваты) первоначально базировался на некотором удалении от побережья Адриатики в хинтерланде Далмации²⁵. Принимая во внимание характер датированного временем около 800 г. погребального комплекса в Бискупии под Книном, не оставляющий сомнений в том, что речь идет о захоронениях представителей правящего слоя хорватской политики²⁶, логично предположить, что именно район Книна являлся исходным пунктом хорватской экспансии на побережье. Более того, на основании некоторых артефактов, происходящих из района Книна, можно говорить о присутствии здесь некой варварской элиты еще в VII–VIII вв.²⁷, то есть в период, предшествующий установлению франкского господства в Далмации. Нельзя не заметить, что в стратегическом отношении район Книна, то есть пространство между верховьями рек Зрманя и Цетина, ограниченное с севера Динарским и Велебитским горными хребтами, в большей степени, чем какая-либо другая область далматинского хинтерланда, подходил к роли центра варварского политического образования. Изолированное положение книнского района относительно мест концентрации аварской элиты, ближайшие из которых локализируются по археологическим данным, главным образом, на территории позднеримской провинции Сирмийская Паннония²⁸, создавало благоприятную ситуацию для кристаллизации здесь

²⁵ Goldstein I. 1) Bizant na Jadranu. Zagreb, 1992. S. 129, 143–146; 2) Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 123–129.

²⁶ См., например: Milošević A. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 123–125; Sokol V. Zapadno zdanje i njegova pogrebna funkcija u crkvi sv. Marije u Biskupiji // Zbornik o Luji Marunu. Zbornik radova sa Znanstvenog skupa o fra Luji Marunu u povodu 150. obljetnice rođenja (1857.–2007.), Skradin–Knin, 7.–8. prosinca 2007 / Ur. Ž. Tomičić, A. Uglešić. Šibenik; Zadar; Zagreb, 2009. S. 162–165.

²⁷ К числу таких памятников, в первую очередь, необходимо отнести набор 24-х бронзовых матриц для изготовления кованых украшений для одежды и конского убора, обнаруженный в Плискове в Бискупии у Книна (см.: Korošec J. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina // SHP. Ser. III. Split, 1958. Sv. 6. S. 29–42). Книнские матрицы стилистически близки аналогичным предметам из всаднических погребений центральной части Аварского каганата (Фёнлак, Кунсентмартон и др.), датированных первой половиной VII в. и интерпретируемых как погребения мастеров, изготавливавших золотые украшения для аварской элиты (см.: Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata // OA. 1958. Br. 3. S. 27–28, 30). Другим местом концентрации артефактов VII–VIII вв., отражающих присутствие пришедшей элиты на территории позднейшей хорватской политики, является относительно близко расположенный к Книну район Синьского поля. В частности, отсюда происходит датированная VII в. бронзовая матрица из Читлука, которая, подобно набору матриц из Книна, находит стилистические аналогии в памятниках маргитовского типа (см.: Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 108). В римскую эпоху здесь находилось поселение Эквум, через который проходила дорога, связывавшая Бурнум и Салону (Šišić F. Povijest Hrvata... S. 122). На основании находки из Читлука можно предположить, что вдоль этой трассы распространялся в южном направлении политический контроль книнской элиты. С предположением о раннем вхождении Синьского поля в состав воинственной варварской политики хорошо соотносится обнаружение в этом же районе уникальных для Далмации предметов вооружения — боевой секиры типа *francisca* и лезвия меча, датированных VII в. и, вероятно, происходящих из лангобардской Италии (см.: Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 110).

²⁸ См.: Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Ser. III. Zagreb, 1971. Br. 5. S. 66.

небольшой варварской политике, независимой от Аварского каганата. Вместе с тем, этот район был привлекателен выгодным географическим положением и наличием развитой дорожной инфраструктуры, восходящей к римским временам. Римские трассы соединяли располагавшийся здесь римский военный лагерь Бурнум с важнейшими центрами Далмации — Салоной, Ядером (Задаром) и Сенией²⁹, позволяя книнской элите распространить свой контроль не только на земли далматинского приморья между Зрманей и Цетиной, но и на территорию Либурии³⁰.

Хотя, судя по географии находок раннего каролингского периода, около 800 г. под контролем политического организма с центром в районе Книна уже находилась часть приморской зоны Далмации, включавшая тяготевший к византийскому Задару район Равни Котари³¹, подобный территориальный охват книнской политики едва ли существовал изначально. Факт наличия в погребениях книнской элиты франкского оружия и воинского снаряжения³² позволяет согласиться с неоднократно высказывавшимся в историографии мнением, согласно которому в самом начале IX в. хорваты являлись военными союзниками франков. Предположение о военном союзе книнской элиты с франками хорошо объясняет и отсутствие в письменных источниках упоминаний о каких-либо военных операциях франков во внутренней части Далмации, которые могли быть направлены на насильственное подчинение местной политической структуры, хотя местный правитель Борна, упоминаемый в «Анналах королевства франков» в связи с событиями 818–821 гг., несомненно, являлся франкским вассалом³³. В свете предполагаемых союзных отношений книнской политики с франками представляется весьма перспективной гипотеза Н. Клаич, получившая детальную разработку в трудах И. Мужича, согласно которой занятие

²⁹ Budimir M. Arheološka topografija Kninske općine // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini. (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 15). Zagreb, 1992. S. 27–28.

³⁰ На это обстоятельство справедливо обращает внимание И. Мужич: *Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. 2. dopunjeno izd. Split, 2007. S. 170.*

³¹ См. карту: *Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 116.*

³² Особого внимания заслуживают в связи с этим многочисленные находки в Далмации франкских мечей (*spathae*), изготовлявшихся в прирейнских мастерских (см. подробно: *Vinski Z. 1) O nalazima karolinških mačeva u Jugoslaviji // SHP. Ser. III. Split, 1981. Sv. 11. S. 9–54; 2) Ponovno o karolinškim mačevima u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 1983–1984. Sv. XVI–XVII. S. 183–210; 3) Marginalia uz izbor karolinškog oružja u jugoistočnoj Europi // SHP. Ser. III. Split, 1986. Sv. 15. S. 61–117*). К настоящему времени на территории современных Хорватии и Боснии и Герцеговины обнаружено более двух десятков каролингских мечей, что составляет одну из самых больших концентраций такого оружия в Европе (см.: *Belošević J. Osvrt na karolinške mačeve tipa H sa šireg područja Dalmatinske Hrvatske // Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu. Zagreb, 2007. Sv. 24. S. 406–408; Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 126–131*). Наибольшее количество находок происходит при этом с территории Далмации между реками Зрманя и Цетина; в их числе — три меча из погребений в Бискупии (Hrvati i Karolinzi. D. II. S. 209–218). Все это указывает на существование эффективных каналов поставки франкского оружия в хинтерланд Далмации, появление которых, по мнению А. Милошевича, логично связывать не столько с торговлей, сколько с политическими интересами Каролингов в этом регионе (*Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 127–128*).

³³ О статусе Борны с обзором литературы см.: *Алимов Д. Е. «Borna dux Guduscanorum»*. К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2006. Вып. VI. С. 5–21. — Как показал В. К. Ронин, отношения вассалитета, складывавшиеся в первой четверти IX в. между империей Каролингов и ее восточными соседями, являлись в ряде случаев закономерным следствием заключения франками военных союзов с местными вождями (*Ронин В. К. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // СС. 1982. Вып. 6. С. 36–48*).

хорватами приморской Далмации произошло при поддержке или с санкции франков в ходе их экспансии в Далмацию³⁴. Хотя мы и не можем согласиться с локализацией хорватского политического ядра на территории области, находившейся в середине X в. под управлением хорватского бана³⁵, трудно не заметить, что концепция И. Мужича придает дополнительную актуальность гипотезе И. Голдштейна о постепенном продвижении хорватов из хинтерланда на побережье, так как распространение контроля книнской элиты на Нин и Равни Котари, то есть на территорию, тяготевавшую к Задару, позволяет предполагать участие книнских ратников в военных действиях франков против Византии. Особого внимания заслуживает в этой связи и обнаружение в Далмации большого количества золотых солидов с изображениями императоров Константина V Копронима и его сына Льва IV, отчеканенных между 760 и 775 гг.³⁶ Присутствие этих монет в пяти погребениях в Бискупии указывает на их важное символическое значение для книнской элиты, а впечатляющее число находок таких монет в Хорватии (свыше 70) вряд ли можно объяснить только наличием торговых связей с византийскими городами Далмации³⁷.

Хотя о военных операциях франков в Далмации из письменных источников известно крайне мало, общая картина происходивших в начале IX в. событий, которая может быть реконструирована на их основе, отнюдь не противоречит предположению об участии книнских ратников в военном давлении на византийские владения. В первую очередь, представляется важным замечание И. Голдштейна о том, что франки, не имевшие достаточно сильного флота для противостояния византийцам, были вынуждены вести военные действия, главным образом, на суше³⁸. Осуществить нападение на Далмацию с моря франки, как известно, сумели лишь с помощью венецианского флота³⁹. Понятно, что в таких условиях чрезвычайно возрастала роль далматинского хинтерланда, и в особенности чрезвычайно важного

³⁴ См.: *Klaič N. Poganska stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta* // CCP. Zagreb, 1988. God. XII. Br. 21. S. 49–62; *Mužić I. 1) Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima* // Hrvati i Goti. Split, 1996. S. 54–61; 2) *Hrvati i autohtonost*. Split, 2001. S. 56–60, 256–259, 282–283; 3) *Doseljenje, smještaj i pokršćavanje Hrvata prema izvorima* // Hrvatska povijest. Split, 2002. S. 32–41, 48–54.

³⁵ В своей локализации первоначального расселения хорватов на территории банской области И. Мужич базировался, главным образом, на известиях Хроника Фомы Сплитского (XIII в.) о первоначально занятой хорватами горной области Куреция или Хорватия, по словам хрониста, граничащей с Далмацией с севера, а также на сведениях ряда позднейших источников, также именующих данный регион Хорватией (см., например: *Mužić I. Goti ili Sklavi...* S. 54–61). В последнее время исследователь предпринял попытку обособить высказанную в поздних работах Н. Клаич возможность отождествления банской области с «Белой Хорватией» трактата Константина Багрянородного (*Mužić I. Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska* // SHP. Ser. III. 2010. Sv. 37. S. 259–292 (в печати)). Выражаем глубокую благодарность И. Мужичу за возможность ознакомиться с текстом статьи до ее выхода в свет. Нашу позицию по данному вопросу см.: *Алимов Д. Е.* [Рец.:] *Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. Split, 2006 // SSBP. 2007. № 1/2. С. 123–132.

³⁶ *Milošević A. Karolinški utjecaji...* S. 119–120.

³⁷ Поддержав высказанную Й. Вернером убедительную интерпретацию золотых солидов в качестве родового сокровища хорватской элиты, А. Милошевич высказал догадку о приобретении этих монет хорватами в результате временного занятия франками византийских городов Далмации, что, на наш взгляд, хорошо вписывается в реконструируемый исторический контекст (*Milošević A. Karolinški utjecaji...* S. 119).

³⁸ *Goldstein I. Bizant na Jadranu*. S. 151.

³⁹ Об этом нападении, произошедшем где-то вскоре после 803 г., сообщает Хроника Иоанна Диякона. См.: *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački*. (MSSM. Vol. VII). Zagrabiae, 1877 (далее — *Documenta*). P. 305.

в стратегическом плане района Книна, военную элиту которого франкам было необходимо привлечь на свою сторону для успешного противостояния византийцам. В связи с этим следует обратить внимание на то, что, в отличие от тяготевшего к Задару района Равни Котари, на территории прибрежной зоны Далмации между реками Крка и Цетина поблизости от городов Трогира и Сплита предметов раннего каролингского периода выявить не удалось⁴⁰. Данное обстоятельство не только наводит на мысль, что хорватскими правителями эта территория будет освоена уже позднее, в правление Мислава и Трпимира⁴¹, но и позволяет связать первоначальную экспансию книнской элиты в направлении побережья с военными целями франков в борьбе с Византией. Так, возможно, именно с давлением франков и хорватов на округу Задара следует связывать описанное в «Анналах королевства франков» под 806 г. прибытие ко двору Карла Великого «послов далматинцев» — задарского дукса Павла и задарского же епископа Доната⁴², означавшее, по всей видимости, признание Задаром власти франкского императора⁴³.

Главным свидетельством того, что франко-византийское соперничество в Далмации привело к территориальным изменениям в пользу книнской политики, является известие «Анналов королевства франков» об урегулировании территориальных споров между далматинскими славянами и романцами. Под 817 г. Анналы сообщают о том, что император Людовик Благочестивый принял в Аахене византийского посла Никифора, прибывшего из Константинополя «по делам далматинцев» (*pro Dalmatinorum causa*). Император велел послу дожидаться прибытия фриульского маркграфа Кадолага, которому была вверена забота об «их пределах» (*illorum confinium*)⁴⁴. Прибыв, Кадолаг стал обсуждать проблему с послом, однако, «так как дело касалось многих романцев и славян, и было видно, что оно не могло быть завершено без их присутствия», Кадолаг, Никифор и Альбгарий, племянник Унрока, были посланы на место, в Далмацию⁴⁵. Рассматривая данное известие, трудно не согласиться с мнением В. К. Ронина о том, что «греческий посол Никифор явно требовал определения четких границ и прекращения натиска хорватов на сельскохозяйственную округу городов...»⁴⁶ Хотя мы не знаем, о каких именно территориях в Далмации шла речь на переговорах, можно предположить, что, по крайней мере, одной из них был современный район Равни Котари, где, судя по материалам

⁴⁰ См.: Milošević A. Karolinški utjecaji... S. 117.

⁴¹ Подобную гипотезу в несколько ином контексте высказывал Л. Маргетиц: См.: Margetić L. 1) Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // HZ. 1988. God. XLI (1). S. 231–232; 2) Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147; 3) O Borni, vojvodi Gačana // Zbornik biskupa Mile Bogovića (Prošlost obvezuje. Povijesni korijeni Gospičko-Senjske biskupije) / Ur. F. E. Hoško. Rijeka, 2004. S. 87–101.

⁴² Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895 (далее — ARF). P. 122; Documenta. P. 310. — Датировка события в историографии колеблется в пределах 804–806 гг. (см.: Goldstein I. Bizant na Jadranu. S. 153).

⁴³ См., например: Живковић Т. Тактикон Успенског и тема Далмација // ИЧ. 2002. Књ. 48. С. 33; Goldstein I. Bizant na Jadranu. S. 153.

⁴⁴ ARF. P. 145; Documenta. P. 317.

⁴⁵ «...et quia res ad plurimos et Romanos et Sclavos pertinebat neque sine illorum praesentia finire posse videbatur, illo decernenda differtur, missusque ad hoc cum Cadolane et praedicto legato in Dalmatiam Albgiarius, Unrochi nepos» (ARF. P. 145; Documenta. P. 317).

⁴⁶ Ронин В. К. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 26.

археологических раскопок и сохранившимся до IX в. храмам, романское население сумело пережить эпоху «темных веков»⁴⁷.

Думается, что предположение о санкционированной франками территориальной экспансии книнской политики позволяет понять, почему в «Анналах королевства франков» местный правитель Борна выступал под титулом «*dux Dalmatiae*» или «*dux Dalmatiae atque Liburniae*»⁴⁸. Заметное расширение территории небольшого политического организма, в том числе за счет населенного романцами пространства далматинского побережья, свершившееся в результате планомерной акции франкского правительства, превратило книнского вождя в правителя большой территории, подвластной державе Каролингов. С точки зрения франков гораздо более актуальным и значимым был статус Борны в качестве территориального правителя Далмации и Либурии, нежели в качестве вождя небольшой политики, начавшей в свое время складываться в районе Книна.

Не менее показательным в отношении приближенности хорватов к горным массивам является географическое расположение двух хорватских групп, существовавших в раннее Средневековье в восточно-альпийском регионе⁴⁹. На пространстве, некогда входившем в состав Карантанского княжества, источниками X в. засвидетельствовано наличие небольшого «хорватского округа» (*pagus Crouati*), локализованного исследователями в районе между верхним течением реки Глан и горным массивом, отделяющим долину Глана от долины реки Вимитцбах, где засвидетельствованы также топонимы, происходящие от названия «хорват»⁵⁰. На территории Штирии в верхнем течении реки Мур локализуется еще одна хорватская группа, следы существования которой отразились в упоминании в грамоте второй половины XI в. некой «хорватской десятины» (*decima ad Chrowat*), а также в маркирующих границы этой группы топонимах, произведенных от слова «хорват»⁵¹. Есть основания полагать, что в середине VIII в. этот район, как и «хорватский округ» на территории Каринтии, также входил в состав Карантанского княжества⁵². В отличие от Далмации, где хорватская поселенческая структура в районе Книна дала начало самостоятельному

⁴⁷ См.: *Vežić P.* Ninska crkva u ranom srednjem vijeku — problem kontinuiteta i rezultati arheoloških istraživanja // *Radanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža* / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. Zagreb, 1996. S. 87–99.

⁴⁸ ARF. P. 150, 155; Documenta. P. 322, 325.

⁴⁹ См. о них подробно с разбором литературы: *Grafenauer B.* Hrvati u Karantaniji // *HZ.* 1958–1959. God. XI–XII. S. 207–231; *Štih P.* Novi pokušaji rješavanja problematike Hrvata u Karantaniji // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 122–139.

⁵⁰ См.: *Grafenauer B.* Hrvati u Karantaniji. S. 211, 214–216 (карта); *Štih P.* Novi pokušaji... S. 137. — Хорватский округ упоминается в грамотах 954, 961, 979 и 983 гг.: *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku* / Zbral F. Kos. Kn. II (801–1000). Ljubljana, 1906. Br. 401, 407, 466, 513.

⁵¹ См.: *Grafenauer B.* Hrvati u Karantaniji. S. 211, 214–216 (карта); *Štih P.* Novi pokušaji... S. 138.

⁵² Данный вывод делается на основе локализации в районе Верхнего Мура церкви *ad Undrimas*, одного из первых христианских храмов, освященных, по сообщению трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870 или 871 г.), в Карантании хорепископом Модестом в середине VIII в. (см.: *Kos M.* *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. Ljubljana, 1936. S. 22–23). Недавно традиционное чтение соответствующей фразы трактата было пересмотрено А. Плетерским, включившим данную местность в состав отдельного от Карантании гипотетического славянского княжества Либурии (*Pleterski A.* *Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov* // *ZČ.* 1996. Letnik 50. Št. 4. S. 520–528), что для наших целей не является принципиальным. О Либурии см. дальнейшую дискуссию: *Štih P.* O vojvodskem stolu in Liburniji ter o metodi in znanstveni korektnosti neke razprave // *ZČ.* 1997. Letnik 51. Št. 1. S. 113–120; *Pleterski A.* Lepi, grdi, zli. O metodih, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih // *ZČ.* 1998. Letnik 52. Št. 2. S. 232–242.

политическому организму, вследствие чего первоначальная хорватская идентичность трансформировалась в этническую, в Восточных Альпах ничего подобного не наблюдалось. Несмотря на предпринимавшиеся в историографии попытки приписать карантанским хорватам ведущую роль в создании карантанской политической организации⁵³ или локализовать в Карантании исходный пункт миграции хорватов на Балканы⁵⁴, с определенностью можно говорить только о наличии в окруженных горными хребтами речных долинах Восточных Альп двух небольших районов, где были сконцентрированы носители хорватской групповой идентичности.

Северные хорватские группы, одна из которых обычно локализуется в историографии к северо-востоку от Восточных Карпат, на территории современного украинского Прикарпатья, а другая — на территории восточной Чехии и/или на соседних территориях Польши, нередко рассматривались исследователями в контексте проблемы так называемой Белой или Великой Хорватии, страны, описываемой в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» в качестве прародины хорватов, переселившихся на Балканы⁵⁵. Между тем, согласно распространенному в историографии мнению, под именем Белой Хорватии в трактате императора Константина выступает современное ему Чешское государство, которое в середине X в. охватывало обширные пространства, включая и те, на которых другие источники локализуют хорватов⁵⁶. Согласно другой точке зрения, Великая или Белая Хорватия в том виде, в каком она изображена в сочинении императора Константина, является искусственным конструктом, совместившим в себе разные традиции, относящиеся к разным хорватским группам⁵⁷. И в том, и в другом случае использовать информацию Константина Багрянородного в качестве отправной точки для локализации северных хорватов было бы, учитывая задачи нашей статьи, по меньшей мере неосторожно. В связи с этим мы позволим себе оставить в стороне вопрос о соотношении понятия «Великая или Белая Хорватия» с конкретными хорватскими группами, ограничившись при рассмотрении их географического расположения сведениями других источников.

В «Повести временных лет» хорваты дважды упоминаются в ряду восточнославянских этнополитических единиц (в так называемом этнографическом введении и под 907 г.), неизменно следуя сразу после вятичей, очевидно, замыкающих собой

⁵³ Согласно концепции Л. Хауптманна, хорваты, будучи освободителями альпийских славян от аварской власти, стали господствующим слоем карантанской политики, сохранившим о себе память в институте козцов (см.: *Hauptmann Lj.* 1) *Karantanska Hrvatska // Zbornik kralja Tomislava.* Zagreb, 1925. S. 297–314; 2) *Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu.* Ljubljana, 1954). Критику данной концепции см.: *Grafenauer B.* 1) *Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev.* Ljubljana, 1952. S. 320–383; 2) *Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod // Naša sodobnost.* 1955. Letnik 3. Št. 11–12. S. 1125–1146; 3) *Hrvati u Karantaciji.* S. 217–229.

⁵⁴ См.: *Kunstmann H.* *Wer waren die Weisskroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos? // Die Welt der Slaven.* Bd. 29 (1). S. 111–122; *Klaić N.* 1) *O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ZČ.* 1984. Letnik 38. S. 253–270; 2) *Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju u djelu De administrando imperio cara Konstantina VII. Porfirogeneta // SHP.* Ser. III. 1985. Sv. 15. S. 31–60. — Критику данной концепции см.: *Štih P.* 1) *Karantanija = stara domovina Hrvatov? // ZČ.* 1987. Letnik 41. S. 529–549; 2) *Novi pokušaji...* S. 133–139; *Fokt K.* *Biali Chorwaci w Karantanii // Studenckie zeszyty historyczne.* Kraków, 2004. S. 11–22.

⁵⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; перевод Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 130/131, 134/135, 140/141.

⁵⁶ См.: *Łowmiański H.* *Początki Polski.* Т. II. S. 160–171.

⁵⁷ См.: *Майоров А. В.* Великая Хорватия... С. 11–42, 169–172.

при перечислении восточную группу «племен», и перед дулебами, которые вместе с упоминаемыми далее уличами (или уличами и тиверцами) относятся к западной группе⁵⁸. Данные известия, так же как и сообщение этого же источника о походе на хорватов киевского князя Владимира⁵⁹, подразумевают существование особой хорватской этнополитической единицы, очевидно, находившейся где-то на юго-западной периферии восточнославянского пространства⁶⁰. Границы территории, контролировавшейся в Прикарпатье хорватами, едва ли могут быть надежно установлены⁶¹, однако, важно подчеркнуть отсутствие оснований включать в подвластную хорватам территорию земли, лежащие к западу от Восточных Карпат⁶², как это нередко делалось в историографии⁶³. Первое упоминание имени «хорват» на этих

⁵⁸ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб., 2007 (далее — ПВЛ). С. 10, 16.

⁵⁹ ПВЛ. С. 54. — Локализация хорватов в Прикарпатье позволяет согласовать летописное известие о походе Владимира на хорватов, помещенное под 992 г., с информацией Хильдесхаймских анналов о том, что в 992 г. польскому князю Болеславу угрожала война с Русью (см. об этом: *Майоров А. В.* Великая Хорватия... С. 167–168).

⁶⁰ См. подробно: *Войтович Л. В.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2004. Вип. 4. С. 105–132; *Майоров А. В.* Великая Хорватия... С. 166–169. — В историографии предпринимались попытки локализовать хорватов, упоминаемых в «Повести временных лет», на территории Малой Польши (см.: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 86–127; *Wasilewski T.* Dulebowie — Łędzianie — Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // РН. 1976. Т. 67. Zesz. 2. S. 181–194). Данную локализацию невозможно принять, главным образом, из-за тезиса о хорватской принадлежности вислян, необоснованно подразумевающего наличие в раннем Средневековье иерархии «племенных» идентичностей. Я. Котлярчик, отталкиваясь от порядка перечисления племен в «Повести временных лет», где хорваты упоминаются сразу после вятичей, предложил локализовать «восточных хорватов» в верхнем течении Дона, что было поддержано Г. Лябудой (*Kotlarczyk J.* Siedziby Chorwatów wschodnich // ААС. 1971. Т. XII. Fasc. 1–2. S. 160–188; *Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. Т. II. S. 193–200). Данная локализация также представляется неприемлемой: этнополитическая ситуация в бассейне Дона, хорошо известная по материалам восточных, в том числе хазарских источников, исключает существования здесь хорватской этнополитической единицы.

⁶¹ Гипотетически с карпатскими хорватами могут быть связаны топонимы *Chirwatowa Wola* (местность в верховьях Вислоки близ Дукельского перевала через Карпаты, впервые упоминается в 1366 г.) и *Horwaty* между верховьями Сана и Днестра. Об этих топонимах см.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. II. S. 195–199.

⁶² На территории к востоку от Карпат в позднейшее время были зафиксированы три топонима в форме *Horvathi*, однако все они расположены в районе верхнего течения Горнада. По мнению Х. Ловмянского, эти «племенные» по своей форме топонимы могут быть связаны с миграцией хорватов с севера на юг в аварскую эпоху (*Lowmiański H.* Początki Polski. Т. II. S. 411–412). С данной гипотезой солидаризировался Я. Котлярчик, указав на расположение данных топонимов к югу от Дукельского перевала, к северу от которого фиксируется такой же архаичный «племенной» топоним *Chirwatowa Wola* (*Kotlarczyk J.* Siedziby Chorwatów wschodnich. S. 171). Хотя, как будет показано ниже, мы не можем разделить распространенного мнения о хорватской миграции с севера на юг, следует согласиться с тем, что данные топонимы не могут служить основанием для включения в состав Карпатской Хорватии территории к западу от Карпатских гор.

⁶³ См., например: *Пеняк С. І.* Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття в VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 162–165; *Войтович Л. В.* Карпатські хорвати... С. 122–125; *Пон Д. І.* Раннефеодальные государства Центральной Европы и подкарпатские русины // Карпатские русины в славянском мире: Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009. С. 235–236. — Представление о проживании хорватов на территории исторической Подкарпатской Руси (современная Закарпатская область Украины) стало со временем важным элементом русинской национальной идеологии, в соответствии с которой карпатские хорваты считаются предками современных русинов (см. об этом: *Michna E.* «The Rusyn's history is more beautiful than the Ukrainians'». Using history in the process of legitimization of national aspiration by Carpatho-Rusyn ethnic leaders in Transcarpathian Ukraine // SSBP. 2010. № 1 (7). С. 93–96).

территориях, вероятно, относится еще к IX в., если правильно отождествление с именем хорватов города *Дж.р.ват* в «стране сакалиба», упоминаемого в так называемой «Анонимной записке о народах Восточной Европы», арабском источнике IX столетия, дошедшем до нас в более или менее полных изложениях позднейших авторов⁶⁴. Согласно распространенному мнению, название города *Дж.р.ват* (в «Худуд ал-'Алам» — *Х.р.даб*, у Гардизи — *Дж.р.ав.т*, у ал-Марвази — *Х.ж.рам*⁶⁵), в котором, согласно сообщению «Анонимной записки», живет *Св.т.м.л.к* и происходит торг, воспроизводит с некоторым искажением название «хорват»⁶⁶. Хотя филологически соответствующая конъектура признается вполне обоснованной и гораздо более приемлемой, чем попытки отождествления названного города с Краковом или Киевом⁶⁷, такое отождествление вызывает возражения ряда исследователей. Во-первых, город с названием «Хорват» не фигурирует ни в одном другом источнике. Во-вторых, центр Моравского государства, где правил Святополк, очевидно фигурирующий в «Анонимной записке» под именем *Св.т.м.л.к*⁶⁸, как известно, находился на значительном удалении от Восточных Карпат. Более того, как показал Д. Тржештик, известия «Анонимной записки» могут быть соотнесены со сведениями источников о внутреннем устройстве Моравского государства. Так, например, описание трехдневного торга, совершающегося поблизости от резиденции правителя, может быть сопоставлено с известием Раффельштеттенского таможенного устава

⁶⁴ В историографии авторство «Анонимной записки» приписывается либо Ибн Хордадбеку, либо ал-Джайхани, либо их неизвестному предшественнику. Содержащийся в «Анонимной записке» рассказ о славянах, где содержится известие о городе *Дж.р.ват*, приведен в «Книге дорогих ценностей» Ибн Русте (начало X в.), персидском сочинении «Худуд ал-'Алам» (вторая половина X в.), трудах Гардизи (XI в.), ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (конец XI – начало XII в.) и других восточных авторов. Из новейших работ об «Анонимной записке» см.: *Калинина Т. М.* Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГВЕ. 1991. М., 1994. С. 220–221; *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 50–60, 84–86; *Калинина Т. М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГВЕ. 2001. М., 2003. С. 204–216.

⁶⁵ См.: *Калинина Т. М.* Арабские источники... С. 223.

⁶⁶ Обзор мнений см.: *Калинина Т. М.* Арабские источники... С. 223.

⁶⁷ См. об этом: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. [2-е издание] // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С. 300.

⁶⁸ Если одни исследователи в имени правителя «страны сакалиба» «*Св.т.м.л.к*» видели титул верховного правителя (восточных) славян «Свиет-малик», то другие усматривали в нем собственное имя правителя Великой Моравии Святополка (870–894 гг.). Обзор мнений см.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба... С. 59–60; *Калинина Т. М.* Интерпретация... С. 213–215. См. также: *Lewicki T.* S-w-nt-b-lk arabskiej «Relacji anonimowej» (2 poł. IX w.) i jego «zastępcą» // *Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus.* Wrocław, 1968. S. 363–376. Как было недавно специально отмечено, последняя интерпретация выглядит гораздо более предпочтительной, так как форма «Свиет-малик» не только не вполне соответствует грамматике арабского языка, но и предполагает существование у славян титула правителя, не фигурирующего ни в одном другом источнике (см.: *Калинина Т. М.* Интерпретация... С. 214–215). — Кроме того, нельзя не признать справедливым замечание о том, что Киев, где, согласно некоторым авторам, базировался восточнославянский «Свиет-малик», во второй половине IX в. уже находился под контролем русов, четко отделяемых в «Анонимной записке» от «сакалиба» (см.: *Тржештик Д., Достал Б.* Великая Моравия и зарождение Чешского государства // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.).* М., 1991. С. 104, примеч. 57). В предшествующий же период времени Киев едва ли являлся центром самостоятельного политического образования, находясь на периферии сферы политического контроля хазар (см. об этом: *Петрухин В. Я.* 1) Хазарская дань и славяне: К истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // *Тюркологический сборник. 2003–2004.* М., 2005. С. 166–184; 2) Русь и Хазария: К оценке исторических взаимосвязей // *Хазары. Иерусалим; М., 2005.* С. 69–100).

начала X в. о «торге мораван» (*mercatus Marahorum*), что позволило Д. Тржештику отождествить *Дж.р.ват* «Анонимной записки» с поселением Микульчице, одной из так называемых «агломераций предгородского типа»⁶⁹, изученных археологами на территории Моравии в узком смысле слова⁷⁰.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: не является ли описание города *Дж.р.ват* описанием одного из собственно моравских поселений? К отрицательному ответу на данный вопрос склоняют некоторые немаловажные обстоятельства в тексте самой «Анонимной записки», недавно отмеченные Д. Е. Мишиным в качестве свидетельств в пользу локализации города *Дж.р.ват* к востоку от Карпат. К их числу следует отнести упоминание реки под названием Дуба (в тексте Гардизи) или Рута (в «Худуд ал-Алам» и у Марвази), которая течет по «стране сакалиба» или — согласно другому чтению — в ее направлении. Эта река с большой долей вероятности может быть идентифицирована с Прутом или Дунаем⁷¹. «Страна сакалиба», согласно автору «Анонимной записки», располагалась к северу от венгров, которые в этот период времени проживали в Этелькёзе, что также указывает на расположение города *Дж.р.ват* в Верхнем Поднестровье⁷². Кроме того, о том, что славяне, о которых идет речь в «Анонимной записке», проживали именно к востоку, а не к западу от Карпат, свидетельствует то, что «автор, попавший к сакалиба от венгров из Этелькузу, ни словом не упоминает о горах или о пути через горы»⁷³. Предположение о нахождении города *Дж.р.ват* к востоку от Карпат может быть согласовано и с результатами археологических раскопок. Так, именно в прикарпатском регионе Украины археологами открыты крупные поселенческие комплексы, включая гигантское Стольское городище на реке Колоднице на севере рассматриваемого ареала и Ревнянское гнездо поселений на юге⁷⁴. Единственный, остающийся пока без удовлетворительного ответа вопрос, существенно осложняющий идентификацию «*Дж.р.ват* = Хорват», заключается в том, почему автор «Анонимной записки» размещает в городе *Дж.р.ват*, то есть в некоем поселении, расположенном в стране хорватов, резиденцию моравского правителя Святополка. Популярной в историографии гипотезы

⁶⁹ См., например: *Бялекова Д.* Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 117–118.

⁷⁰ См.: *Třeštík D.* «Trh Moravanů» — ústřední trh staré Moravy // *ČsČH*. 1973. R. 21. S. 869–894. — Впрочем, как недавно заметил Л. Полачек, локализацию торгового мораван в Микульчице, исходя из результатов многолетних археологических раскопок, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть: *Poláček L.* Ninth-century Mikulčice: The «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia // *Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 1. The heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning. Berlin, 2007. P. 520.

⁷¹ См.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба... С. 56.

⁷² Там же. С. 56–57.

⁷³ Там же. С. 60.

⁷⁴ См.: *Корчинский О. М.* 1) Исследования Стольского городища // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 347–349; 2) Раннефеодальные центры летописных хорват IX–X вв. в Верхнем Поднестровье (по данным археологических исследований) // *Материалы школы молодых славистов и балканистов*. М., 1990. С. 3–14; *Михайлина Л. П., Тимошук Б. А.* Славянские памятники Верхнего Прута VIII–X вв. // *Славяне на Днестре и Дунае*. Киев, 1983. С. 206–219; *Тимошук Б. О.* Восточные славяне. От общины к городам. М., 1995. С. 165–175; *Войтович Л.* Карпатські хорвати... С. 119–121; *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 158, 165.

о зависимости карпатских хорватов от Великой Моравии для объяснения данного факта явно недостаточно⁷⁵.

К концу IX в. относится первое упоминание еще об одной группе хорватов, локализуемой в Центральной Европе по соседству с чехами и мораванами. В сделанных королем Уэссекса Альфредом Великим в 890-е гг. дополнениях к переведенной им же «Хорографии» Павла Орозия упоминаются *Horigthi* или *Horothi*, восточные соседи далеминцев, соседствующих на севере с сербами, а на северо-востоке — с Моравией⁷⁶. В позднейших источниках хорваты в этом регионе упоминаются неоднократно. Так, в написанном на старославянском языке Житии св. Вацлава X в. содержится известие о бегстве в 929 г. в страну хорватов («в Хрваты») Драгомиры, матери чешского князя Вацлава, убитого своим братом Болеславом. По сообщению источника, предпринятые Болеславом поиски Драгомиры (очевидно, в стране хорватов) оказались безуспешными⁷⁷. Данное известие не оставляет ни малейших сомнений в существовании еще в первой трети X в. особой хорватской политики, расположенной по соседству с Чешским княжеством и, видимо, находившейся в какой-то зависимости от Пржемысловичей⁷⁸. Еврейская «Книга Иосиппон» середины X в. помещает между мораванами (*Mwr.wh*) и сербами (*Swrbjn*) народ *Krw.tj*⁷⁹, который может быть отождествлен с хорватами Альфреда Великого и Жития св. Вацлава⁸⁰. Об этой же этнополитической общности, очевидно, сообщается и в сочинении арабского автора ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» середины X в., где народ «х.р.ватин» упоминается между мораванами (*м.права*) и народом «сасин», под которым, согласно наиболее убедительным гипотезам, скрываются либо чехи, либо немцы (саксы)⁸¹. Как видно, во всех перечисленных источниках под хорватами, судя по контексту упоминания этого имени, неизменно подразумевается конкретная этнополитическая единица, расположенная где-то по соседству с этнополитическими общностями мораван, лужицких сербов и чехов⁸².

⁷⁵ Данный вопрос был специально рассмотрен Г. В. Вернадским, выдвинувшим на основании информации «Анонимной записки» гипотезу о хорватском происхождении правящей моравской династии: *Vernadsky G. Great Moravia and White Chorvata // Journal of American Oriental Society. 1945. Vol. 65. P. 257–259.* — Остроумное, но практически недоказуемое построение исследователя о древней хорватской экспансии в Моравию по понятным причинам не встретило серьезной поддержки в историографии.

⁷⁶ ММФН. 1969. Vol. III. P. 337; *Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa, 1961. S. 66.* Подробный разбор известия см.: *Havlik L. E. Slované v anglosaské chorografii Alfréda Velikého // Vznik a počátky Slovanů. 1964. R. 5. S. 53–85; Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 142–152.*

⁷⁷ *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile / Vyd. J. Vajs. Praha, 1929. S. 27, 42.*

⁷⁸ См.: *Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 158–160.*

⁷⁹ *Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy / Wyd. F. Kupfer, T. Lewicki. Warszawa, 1956. S. 172; Книга Иосиппон / Пер. В. Я. Петрухина, Я. Д. Эйделькинда // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 173.*

⁸⁰ Подробнее см.: *Flusser G. Zpráva o Slovanech v hebrejské kronice // ČsČN. 1947–1948. R. 48–49. S. 238–241.*

⁸¹ ММФН. 1969. Vol. III. S. 406. — Об идентификации народа «сасин» с обзором мнений см.: *Мишин Д. Е. Сакалиба... С. 64–65, 86.*

⁸² Существует мнение, что именно эта хорватская группа фигурирует и в «Повести временных лет» при описании мест расселения славянских групп. Сразу после упоминания мораван и чехов в летописи говорится: «А се ти же словени: хрвате белии, и серебь, и хорутане» (ПВЛ. С. 8) (см.: *Havlik L. Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka (Světopylka) (K problematice vzájemných vztahů středoevropských Slovanů v 9. století) // Slovanské Štúdie. III. Príspevky k medzislovanským vzťahom v československých dejinách. Bratislava, 1960. S. 44–45.*) Впрочем, упоминание в одном ряду с хорватами и сербами хорутан (карантанцев) позволяет почти с равным успехом считать данное известие относящимся к далматинским хорватам, чья страна фигурирует под именем Белой Хорватии в Летописи попа Дуклянина (ЛПД. С. 306 (латинская редакция), 400 (Хорватская хроника)). Обоснование такой интерпретации см.: *Майоров А. В. Великая Хорватия... С. 24–28.*

Единственный источник, позволяющий более точно локализовать данную хорватскую группу, — это дошедшая до нас в составе Хроники Козьмы Пражского грамота 1086 г., подтверждающая границы Пражского епископства. Как уже давно было установлено, этот источник содержит фрагменты более ранней грамоты 973 г. с описанием границ основанного тогда Пражского епископства⁸³. При перечислении общностей, проживавших в пограничных территориях пражского диоцеза, здесь говорится: «Далее к северу пределы таковы: пшеванне, хорваты и другие хорваты, зласане, требоване, побаране, дедошицы вплоть до срединного леса, где проходят границы мильчан»⁸⁴. Уже давно было замечено, что в приведенной фразе грамоты был нарушен географический порядок перечисления групп. В то время как пшеванне, действительно, локализуются к северу (точнее — к северо-востоку) от Праги, ряд «зласане — требоване — побаране — дедошицы», судя по локализации упомянутых здесь общностей, предполагает обратный порядок перечисления — с востока на запад⁸⁵. Это обстоятельство, как казалось, создавало большие трудности для локализации упомянутых здесь хорватов и других хорватов. С одной стороны, ничто не мешало допустить, что они жили к северо-востоку от пшеванн в пределах Чешской котловины⁸⁶, с другой стороны, измененный порядок перечисления групп позволял локализовать, по крайней мере, других хорватов к востоку от зласан, что хорошо соотносилось с двумя другими популярными в историографии локализациями северной Хорватии — в Малой Польше⁸⁷ и в Верхней Силезии⁸⁸. Было также высказано мнение, согласно которому упоминаемые вслед за другими хорватами

⁸³ Подробнее см.: *Королюк В. Д.* Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского // КСИС. 1960. Вып. 29. С. 3–23; *Turek R.* Listina Jindřicha IV. iz dubna 1086 (DH IV 390) a její teritoria // SA. 1975. Т. 22. С. 69–122.

⁸⁴ «Deinde ad aquilonem hi sunt termini: Pssouane, Chrouati et altera Chrowati, Zlasane, Trebouane, Pobarane, Dedosize usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini» (MMFH. Vol. III. P. 245).

⁸⁵ См.: *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. С. 173.

⁸⁶ Так, по мнению Л. Нидерле, хорваты, упомянутые в грамоте первыми, проживали в северо-восточной Чехии, в то время как другие хорваты населяли территории в Силезии, будучи отделены от чешских хорватов Орлицкими горами (*Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. М., 2010. С. 162, 624). Представление о проживании хорватов в восточной Чехии и о существовании там в IX–X вв. особого Хорватского княжества стало впоследствии весьма распространенным в историографии (см., например: *Vach M.* Čeští Chorvátí // ČsČN. 1949. R. 50. С. 131–150; *Šimek E.* Důleži, Volyňané, Lučané, Čeští Chorváté a Čechové. Sjednocení dnešní České země a vznik českého národa // SA. 1948. Т. I. С. 349–366). Между тем, как показал Х. Ловмянский, теория о существовании чешских хорватов основывается не столько на информации источников, сколько на их молчании относительно «племенной» принадлежности восточной Чехии, в то время как территория упомянутых в грамоте 1086 г. пшеванн могла простираться до лесных массивов на границе Чешской котловины (*Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. С. 177, *przyp.* 544; 179). Расположение топонимов, образованных от названия «хорват», на территории Чешской котловины, также не позволяет подкрепить гипотезу о Хорватском княжестве в восточной Чехии: два топонима в форме *Charvátec* зафиксированы на реке Огрже в северо-западной Чехии, топоним *Charvátska Stráň* — на юге Чехии и только один топоним *Charvátec* (*Charvátec*) — к северо-востоку от Праги в районе Млада Болеслава (см. об этом: *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. С. 199–200).

⁸⁷ См. детальную разработку малопольской локализации белых хорватов: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. С. 86–127; *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. С. 142–181.

⁸⁸ Так, Л. Пержих локализовал в Силезии Белую Хорватию Константина Багрянородного (*Perich L.* Slezsko, přehled národnostního vývoje. Praha, 1945. С. 37–71). Я. Бакала считал наиболее обоснованной локализацию хорватов на верхней Одре (*Bakala J.* Severní Chorvátí a Slezsko (Příspěvek k zeměpisu a etnicitě středoevropských Slovanů v 9. a 10. století) // Slezský sborník. 1967. Т. 65. Č. 3. С. 364–379). К сожалению, нам осталась недоступной новейшая работа исследователя по данной теме (*Bakala J.* Bílí Chorvátí v proměnách raněstředověké Evropy: Laboratoř netřetřítého enigmatu. Opava, 2004).

силезские общности — это «племена», из которых состояли названные здесь «другие хорваты». В соответствии с такой интерпретацией соответствующий фрагмент грамоты следовало бы читать так: «Пшоване, хорваты и другие хорваты: зласане, требоване, побаране, дедошицы...»⁸⁹

Нетрудно заметить, что в основе и локализации хорватов в Малой Польше, и их отождествления с силезскими «племенами», перечисленными в грамоте 1086 г., лежит априорное представление о существовании в раннем Средневековье хорватской этнической общности, более широкой, чем отдельные этнополитические организмы. Между тем, наличие подобной иерархии идентичностей не только недоказуемо⁹⁰, но и находится в откровенном противоречии с информацией источников. Так, две из упоминаемых в грамоте групп, гипотетически относимых к названным здесь «другим хорватам», убедительно отождествляются (по созвучию названий и району проживания) с общностями, упоминаемыми в IX в. «Баварским Географом». Это зласане, вероятно, идентичные шлензанам (*Sleenzane*) «Баварского Географа», и дедошицы, название которых заставляет вспомнить упоминаемых «Баварским Географом» дадошешан (*Dadosesani*)⁹¹. В отношении шлензан и дадошешан в «Баварском Географе» приводится информация о числе располагаемых ими крепостей⁹², что позволяет считать их не просто общностями людей, обладающими общим названием, а особыми политическими единицами. В этой связи идея о принадлежности ряда перечисленных в грамоте 1086 г. групп к хорватам выглядит по меньшей мере натянутой, ведь, судя по известиям Альфреда Великого, «Книги Иосиппон», Жития св. Вацлава, Ал-Масуди, проживавшие в рассматриваемом регионе хорваты в IX–X вв. также представляли собой отдельную этнополитическую единицу. При этом следует отметить, что сочинение короля Альфреда, не говоря уже о других источниках, относится либо к более позднему периоду, чем время составления «Баварского Географа», либо приблизительно современно ему⁹³, в связи с чем возможность выделения шлензан и дадошешан из состава хорватского этнополитического организма следовало бы отвергнуть.

⁸⁹ См.: Šebánek J. Slezsko a české země v 9.–13. století // Slezsko, český stat a česká kultura. Opava, 1946. S. 29–30; Havlík L. Územní rozsah Velkomoravské říše... S. 43–47. — В последнее время на этом же основании появилась попытка идентифицировать «других хорватов», упоминаемых в вышеназванной грамоте, с карпатскими хорватами, базирующаяся на локализации упомянутых, будто бы хорватских, «племен» зласан, требован и побаран в верховьях рек Западный Буг и Стрый (см.: Войтович Л. В. 1) Карпатські хорвати... С. 113–119; 2) Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. // RA. 2006. С. 21–26). Подобная локализация строится, главным образом, на отождествлении приссан (*Prissani*) «Баварского географа» со зласанами грамоты 1086 г., превращаемыми при этом автором в засан — «племя», живущее на реке Сан.

⁹⁰ О славянских «племенах» как этнополитических единицах см.: Třeštík D. České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce // Studia Mediaevalia Pragensia. Praha, 1988. Vol. I. S. 129–143; Štíh P. Plemenske in državne tvorbe zgodnjega srednjega veka na slovanskem naseljenem prostoru v Vzhodnih Alpah // Slovenci in država. Ljubljana, 1996. S. 24–26.

⁹¹ См.: Havlík L. Územní rozsah Velkomoravské říše... S. 43–47.

⁹² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 13.

⁹³ Относительно датировки «Баварского географа» в пределах IX столетия высказывались различные мнения. Недавно А. В. Назаренко датировал памятник 870-ми гг., связав его составление с пребыванием в монастыре Райхенау св. Мефодия (см. подробно с обзором предшествующей литературы: Назаренко А. В. 1) Немецкие латиноязычные источники... С. 7–13; 2) Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. 1991. М., 1994. С. 35–41, 53–61; 3) Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 51–70).

В связи с этим встает вопрос, почему в грамоте 1086 г. выделена группа «других хорватов», подразумевающая странное соседство двух общностей с одинаковыми названиями. В свое время Л. Нидерле было высказано мнение, что подобное разделение может объясняться географическим расселением хорватов: в то время как одна группа хорватов проживала на северо-востоке Чехии, другая группа находилась уже в Силезии будучи отделенной от других хорватов горным хребтом⁹⁴. Понятно, что речь в данном случае идет скорее о догадке, так как прочных оснований для такой интерпретации нет. Однако сама по себе попытка поиска решения в географической изолированности двух хорватских групп друг от друга представляется нам перспективной. При этом следует принять во внимание то, что несмотря на устойчивую локализацию хорватов в источниках по соседству с чехами и мораванами, пространство для поисков в этом районе особой этнополитической единицы в действительности довольно сужено. Как показал Д. Тржештик, есть серьезные основания полагать, что в пределах Чешской котловины в IX в. существовало только одно «племя» — чехи (*gens Voemanorum*), единственная этнополитическая общность на этой территории, фигурирующая в современных событиях франкских источниках IX в.⁹⁵ В связи с этим в вопросе о локализации хорватов складывается своего рода патовая ситуация: в то время как исследователи, принимавшие во внимание перечень «племен» в «Баварском географе», затруднялись найти место для хорватов на территории Силезии⁹⁶, концепция Д. Тржештика предполагает необоснованность поисков хорватов на территории Чешской котловины. Не претендуя на окончательное разрешение данного вопроса, мы, однако, считаем единственным выходом из тупика признание того, что в случае с хорватами речь идет о сравнительно небольших общностях, занимавших территории в чешско-силезском пограничье, то есть поблизости от Судетских гор. Если допустить, что обе хорватские группы занимали территории вблизи Судет, открывается возможность и для объяснения причины изменения порядка перечисления общностей в Пражской грамоте. Видимо, причина заключалась в том, что автор перечня предпочел сразу вслед за хорватами, соседствовавшими на юго-западе с пшованами, указать другую группу с таким же названием, также находившуюся в пограничье Пражского диоцеза, но не примыкавшую непосредственно к хорватам-соседям пшован. Это позволило четко отделить одних хорватов от других, подчеркнув вместе с тем, что обе хорватские группы входили в зону церковной юрисдикции Праги и избежав при этом нежелательной путаницы, которая бы могла возникнуть, если бы разные хорватские группы были упомянуты в перечне отдельно друг от друга в соответствии со своим географическим расположением. Видимо, в отличие от хорватов, соседствовавших на юге с пшованами, другие хорваты находились на определенном расстоянии от них и соседствовали на севере не с дедошицами, а со зласанами, что и побудило автора перечня поменять порядок перечисления групп. Уточнить локализацию

---

⁹⁴ См. примеч. 86.

⁹⁵ Таким образом, исследователь поставил под сомнение не только позднейшую традицию Хроники Козьмы Пражского, но и распространенную в историографии интерпретацию в качестве «племен», то есть особых этнополитических единиц, целого ряда общностей, которые были перечислены в грамоте 1086 года (см.: *Třeštík D. České kmeny...* S. 136–138).

⁹⁶ См.: *Widajewicz J. Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 21; Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 150–151.*

обеих групп в районе Судет можно, таким образом, исходя из локализации пшован и зласан. Хорваты, которые проживали к северо-востоку от пшован и должны были быть южными соседями дедошицов, вероятнее всего, занимали пространство, примыкавшее с севера к горному массиву Крконоше, в то время как хорваты — южные соседи зласан — должны были жить к северу от Орлицких гор⁹⁷. Менее вероятной, учитывая локализацию зласан, следует считать встречающуюся в историографии локализацию хорватов в верхнем течении Одры⁹⁸, то есть на территории Чешской Силезии, однако исключать такой вариант было бы, разумеется, неосторожно. В этом случае других хорватов грамоты 1086 г. следовало бы разместить к югу от упоминаемых в «Баварском географе» ополян (*Opolini*) и голеншицов (*Golensizi*) на территории, примыкающей к горному массиву Есеники.

Итак, на основании рассмотрения географического размещения хорватских групп в Европе можно прийти к выводу, что все без исключения хорватские группы, известные нам по письменным источникам, находились в местностях, расположенных поблизости от горных массивов. Также можно констатировать, что все местности, где зафиксированы хорватские группы, находились за пределами Карпатской котловины⁹⁹, территория которой контролировалась или, по крайней мере, могла беспрепятственно контролироваться аварами. Объяснить подобное размещение хорватских групп тем, что хорваты выполняли некие военные функции на границах каганата или контролировали важные торговые пути, представляется в связи с этим крайне затруднительным. Вместе с тем, нельзя не принять во внимание и то, что хорваты занимали пространства, географически не очень удаленные от Карпатской котловины, причем силезские хорваты занимали территории к северо-западу от нее, карпатские — к северо-востоку, альпийские и далматинские — к юго-западу. Подобное размещение не кажется случайным: наилучшим объяснением ему в рамках описанной выше «аварской модели» хорватского «этногенеза» может служить предположение о том, что первоначально хорваты вместе с аварами занимали тер-

⁹⁷ Заметим, что именно в указанных районах находятся две горные котловины, представляющие собой весьма удобное пространство для расселения небольших групп, — Еленягурская котловина к северу от хребта Крконоше и Клодзкая котловина за Орлицкими горами.

⁹⁸ См.: *Bakala J. Severní Chorvati a Slezsko...* S. 364–379.

⁹⁹ Правда, в пределах Карпатской котловины встречаются топонимы, образованные от названия «хорват». Помимо упоминавшихся топонимов вблизи Горнада (см. примеч. 62), следует отметить топонимы в форме *Horvathi*, один из которых фиксируется на реке Ипель, а два других — в венгерском комитате Зала к западу от озера Балатон, а также топоним в форме *Chorvaczko* под Братиславой. Х. Ловмянский склонен связывать эти изолированные топонимы со средневековыми поселениями военнопленных, однако не исключает появления хорватских топонимов вблизи Балатона в связи с предполагаемой им миграцией хорватов с севера на юг в аварскую эпоху (*Łowmiański H. Początki Polski*. Т. II. S. 411). Два топонима в форме *Charvaty* зафиксированы также в верхнем течении реки Моравы в районе Оломоуца. По мнению Х. Ловмянского, их также можно связать с поселениями пленных хорватов (чешских или малопольских), которые могли появиться в Моравии в результате военной экспансии моравских или чешских правителей (*Łowmiański H. Początki Polski*. Т. II. S. 199–200). Понятно, что позднее время фиксации всех этих топонимов позволяет высказывать лишь догадки относительно обстоятельств их возникновения. Многочисленные топонимы, образованные от названия хорват, зафиксированы в позднесредневековых источниках на территории Славонии. Их появление, несомненно, связано с колонизацией этой территории далматинскими хорватами, которая могла беспрепятственно осуществляться с X в., после того как Среднее Посавье оказалось под контролем хорватских правителей. Об этих топонимах см.: *Petković D. Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji prema nekoliko primjera u diplomatskim izvorima od 13. do 15. stoljeća* // SHP. Ser. III. 2006. Sv. 33. S. 243.

риторию внутри Карпатской котловины, однако по каким-то причинам покинули ее, укрывшись от аваров за близлежащими горными массивами.

Как известно, в истории Аварского каганата были случаи массового исхода из каганата групп, оппозиционно настроенных к власти кагана. Так, по сообщению «Так называемой Хроники Фредегара», в результате борьбы аваров с булгарами пределы каганата была вынуждена покинуть болгарская группа, возглавляемая вождем Алциоком. По сообщению хрониста, «когда булгары были побеждены, то девять тысяч мужчин с женами и детьми, изгнанные из Паннонии, обратились к Дагоберту, прося, чтобы их приняли на жительство в страну франков»¹⁰⁰. Важно отметить, что численность болгарской группы в данном случае близка численности такого традиционного подразделения кочевнического войска как «тьма»¹⁰¹, а само имя Алциок (*Alciocus*) удачно интерпретируется исследователями как тюркское военно-социальное обозначение «alti oq» («шесть стрел») ¹⁰². Согласно известиям «Чудес св. Димитрия Солунского», против аварской власти восстал также наместник сирмийской области Кувер. При этом в источнике вполне определенно говорится об исходе группы Кувера из каганата и о преследовании мятежников аварским войском: «Когда об этом узнал сам хаган, он начал их преследовать, и они столкнулись в пяти или шести битвах, и во всех он уступил им. Тогда, обратившись в бегство вместе с оставшимся его народом, он ушел на север во внутренние области. Кувер же, перейдя с победой упомянутую реку Дунай, вместе с указанным всем народом пришел в наши пределы и захватил Керамисийское поле»¹⁰³.

Откочевки более или менее значительных групп, вызванные разного рода социально-политическими кризисами, как известно, были весьма характерным явлением в истории так называемых степных империй. К примеру, по наблюдениям Н. Н. Крадина, они часто случались в каганате жуаньжуаней¹⁰⁴, которые до сих пор рассматриваются многими исследователями в качестве политических или даже генетических предков аваров¹⁰⁵. Принимая во внимание последнее обстоятельство, а также то, что Жуаньжуанский каганат был первой державой в Евразии, правитель которой носил титул кагана, представляется возможным дополнить информацию о характере откочевки, происходивших на подконтрольном аварам пространстве Европы, известиями об аналогичных событиях, несколькими веками ранее наблюдавшихся в жуаньжуаньской державе. Подробные свидетельства о том, как про-

¹⁰⁰ «Так называемая Хроника Фредегара» / Перевод В. К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995. С. 371 (далее — Свод. Т. II).

¹⁰¹ На это справедливо обратил внимание Б. Графенауэр, прямо называющий отряд Алциока «туменом» (*Grafenauer B. Nekaj vprašanj...* S. 91).

¹⁰² *Pohl W. Die Awaren...* S. 184.

¹⁰³ Чудеса св. Димитрия Солунского / Перевод О. В. Ивановой // Свод. Т. II. С. 171.

¹⁰⁴ Крадин Н. Н. Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 90–91.

¹⁰⁵ Происхождение европейских аваров и их соотношение с жуаньжуанями китайских источников остается предметом дискуссий (см. подробно: *Pohl W. Die Awaren...* S. 31–37). К традиционно развивавшимся в историографии теориям, определявшим пришедших в Европу аваров в качестве монголоязычной, тюркоязычной или ираноязычной общности, в недавнее время добавилась гипотеза о тунгусо-маньчжурской языковой принадлежности аварской элиты (см.: *Helinski E. On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós* // *Studia Etymologica Cracoviensia. Cracoviae, 2000. Vol. V. P. 268–277*).

исходили и чем заканчивались такие откочевки, можно найти на страницах труда китайского историка Вэй Шоу «История династии Вэй» (Вэй Шу, V в.), подробно освещающего историю жуаньжуаней с момента формирования этнополитической общности и вплоть до падения каганата. Так, например, под 449 г. источник сообщает о том, как во время похода китайского северовэйского императора против жуаньжуаньского кагана Тухэчжэня, «Эрмянътаба, вождь отдельного, подчинявшегося Тухэчжэню кочевья, явился во главе более тысячи семей к императору с изъявлением покорности», в то время как сам каган «далеко бежал»¹⁰⁶. Подобные же события имели место и во время китайского похода 458 г., когда «Тухэчжэнь далеко бежал, а его мофу Учжуцзятуй явился и сдался императору вместе с несколькими тысячами юрт»¹⁰⁷. Однако наиболее показательным является инцидент, произошедший в 492 г., когда многочисленное китайское войско выступило в карательный поход против жуаньжуаньского кагана Доулуня. Как сообщается в Вэй Шу, «в связи с этим гаоцзюйский [вождь] Афучжило, входивший в число доулуньских кочевий, бежал на запад во главе более 100 тыс. юрт и объявил себя правителем»¹⁰⁸. Таким образом, становится очевидным, что в кризисных для Жуаньжуаньского каганата ситуациях представители подчиненной кагану кочевой элиты были способны выступать в качестве самостоятельной политической силы, возглавляя более или менее крупные общности из числа подвластного им кочевого населения.

Не менее интересную для наших целей информацию сообщает Вэй Шу и о том, куда и как совершали откочевки жуаньжуани во время опасности. Помимо общих сообщений о том, что тот или иной каган «далеко бежал», спасаясь от северовэйских войск, можно встретить и более конкретные указания на характер действий жуаньжуаней. Так, в 449 г. каган Тухэчжэнь, преследуемый китайским полководцем, «оставив обозы, перешел хребет Хунлуллин и далеко бежал»¹⁰⁹. Примечательна подробная информация, сообщаемая в Вэй Шу о поведении жуаньжуаней во время китайского похода 429 г. против кагана Датаня. По сообщению источника, узнав о гибели в сражении с китайским войском нескольких сотен жуаньжуаньских старейшин, «напуганный Датань вместе со своими родичами и сторонниками сжег юрты и бежал на запад, неизвестно куда. После этого жуаньжуаньские кочевья рассеялись, прячась в горных долинах (курсив наш. — Д. А.), а скот разошелся по степи, причем никто не собирал его и не присматривал за ним»¹¹⁰. Итак, как можно заключить из данных сообщений, во время крупных вражеских вторжений жуаньжуани не просто бежали, преодолевая огромные расстояния по степи, но и — что представляется вполне естественным — старались укрыться за горными хребтами, ведь только там они могли чувствовать себя в относительной безопасности.

---

¹⁰⁶ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии В. С. Таскина. М., 1984. С. 275.

¹⁰⁷ Там же. С. 276.

¹⁰⁸ Там же. С. 278.

¹⁰⁹ Там же. С. 275.

¹¹⁰ Там же. С. 273.

Если допустить, что носители хорватской групповой идентичности оказались на занимаемых ими в IX–X вв. территориях вследствие произошедшего в период существования Аварского каганата их исхода с территории Карпатской котловины, вызванного конфликтом с аварской властью, то их географическое размещение, реконструируемое по данным письменных источников, покажется отнюдь не менее логичным, чем в случае принятия традиционной точки зрения, согласно которой хорваты расселились по Европе вследствие аварского давления на прикарпатских славян или под эгидой аваров. Так, в предлагаемую модель хорошо вписывается место расположения древнейшей хорватской политики в Далмации вблизи горного пояса, отделявшего подконтрольную аварам Посавскую Паннонию от прилегающих к византийским городам приморских областей. Симптоматично и то, что компактные хорватские группы в Восточных Альпах занимали территории, находившиеся в составе Карантании — политического организма, вероятно, уже в середине VII в. неподконтрольного Аварскому каганату¹¹¹. Что касается силезских и карпатских хорватов, то их появление в этих краях вследствие миграции с юга — через Моравские ворота и северные карпатские перевалы (Верецкий и/или Дукельский¹¹²) соответственно — представляется ничуть не менее возможным, чем в результате миграции на запад и юго-запад из Прикарпатья¹¹³.

В свете сказанного подход, предполагающий поиск корней хорватского «этногенеза» в описанном в «Так называемой хронике Фредегара» аварско-булгарском конфликте 630-х гг., ознаменовавшем начало среднеаварского периода¹¹⁴, представляется нам наиболее перспективным из тех, что были предложены в историографии в рамках «аварской модели» хорватского «этногенеза». Несмотря на то, что далеко

¹¹¹ Согласно интерпретации М. Коса, разделяемой ныне большинством исследователей, именно Карантания упоминается в «Так называемой хронике Фредегара» под именем «марки винидов» (*marca Vinidorum*), где, по сообщению данного источника, длительное время находился Алциок с остатками булгар, спасшимися от массового истребления, которому булгары, покинувшие в 630-е гг. Аварский каганат, подверглись в подконтрольной франкам Баварии (см.: *Kos M. O bolgarskem knezu Alcioku in slovenskem knezu Valuku // Šišičev zbornik. Zagreb, 1929. S. 251–256*). Концепцию, отстаивающую непрерывное существование независимой от аваров карантанской политики со времен Валлука до 820-х гг., в обобщенном виде см., например: *Štih P. Karantanci — zgodnjesrednjeveško ljudstvo med Vzhodom i Zahodom // ZČ. 2007. Letnik 61. Št. 1–2. S. 47–58*.

¹¹² О вероятном использовании Верецкого перевала в аварскую эпоху см.: *Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 350–351, 364–365*. О хорватских топонимах на линии Дукельского перевала см. примеч. 62.

¹¹³ С движением хорватов через Моравские ворота на северо-запад теоретически может быть связано появление зафиксированных в источниках XI в. двух хорватских топонимов у реки Заале (*Chruuati* близ Галле, *Curbatel/Grawat* близ Вайсенфельса). Х. Ловмянский рассматривал данные топонимы в качестве следов походов аварского кагана Баяна против короля франков Сигиберта I в 560-е гг. (*Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 345*), что, на наш взгляд, с трудом объясняет появление постоянных хорватских поселений у франкской границы. Между тем, привязка расселения хорватов к внутреннему кризису в Аварском каганате в 630-е гг. позволяет предложить более логичное истолкование. В 630-е гг. по реке Заале (или поблизости от нее) проходила граница между подконтрольной франкам Тюрингией и страной сербов, вождем которых Дерван, по сообщению Фредегара, отвергнув зависимость от Меровингов присоединился к державе Само. Согласно этому же источнику, в 630-е гг. имели место частые вторжения «винидов» в Тюрингию (Свод. Т. II. С. 370–373; *Ронин В. К. Комментарий // Там же. С. 391*). Допустимо высказать догадку, что в политике Дервана хорватские беженцы могли использоваться в качестве пограничных воинских контингентов. Понятно, что данный вопрос не может полноценно рассматриваться без обращения к проблеме локализации державы Само, что не входит в задачи настоящей статьи.

¹¹⁴ См. в работах: *Grégoire H. L'origine et le nom des Croats... ; Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata.*

Meanwhile, the fact that the Croats were not mentioned in the sources before the 9th century, as well as objective difficulties connected with attempts of fitting the information on the Croats' migration to the Balkans to the realities known from the earlier sources, opened the way for the making of another theory of the Croats' «ethogenesis». The opposite theory was for the first time formulated by Otto Kronsteiner, then supported by Herwig Wolfram and developed by Walter Pohl, and recently modified by Lujo Margetić. All those authors believe that the Croats were not an ethnic group before the making of the Croatian political formation in the territory of Dalmatia. The original Croatian identity, as some of them argue, was that of Avar military officials who controlled the periphery of the qaganate. The new impulse for the idea of non-ethnic character of the early Croats' identity was recently given by the application to the problem of the instrumentalist approach to ethnicity. Danijel Dzino, who suggested the idea of treating the early Croatian identity as a new-born social or regional identity of the local elite, was also the first who formulated methodological framework of this approach in reference to the problem of the early Croatian ethnicity in Dalmatia that allowed him to displace his focus of research attention from the problem of the «Croats' origins» to that of «becoming Croats».

Though the «Avar» model of the Croats' ethnogenesis is rather popular in historiography, there is no consensus about the concrete character of this identity among the advocates of this theory. Against this background a further discussion of the question of the Croats' identity within the Avar qaganate may seem to have no prospects for lack of sources. However, it seems to us that opportunities for such a discussion are not completely exhausted. In this article we have focused on some features of geographical location of the Croatian groups in early medieval Europe, trying to find an acceptable explanation for them within the context of the sociopolitical history of the Avar qaganate. The examination of the geographical location of early medieval Croatian groups shows that all the important groups, i.e. the Dalmatian, Alpine, Carpathian and Silesian Croats, were located in areas adjusting mountain ranges. It should be also noted that all the areas, where the Croatian groups were mentioned in early medieval sources, were located outside the Carpathian Basin which was or could be controlled by the Avars. At the same time, it is necessary to admit that the spaces occupied by the Croats were not situated far from the Carpathian Basin, the Silesian Croats being located to northwest from it, the Carpathian Croats to northeast, the Alpine and Dalmatian Croats to southwest. In our opinion, the most acceptable explanation for this fact would be the assumption that the Croats lived originally in the territory of the Carpathian Basin, being closely connected with the Avars, but then had to leave it, taking cover from the Avars behind mountain ranges. As is known, in the history of the Avar qaganate there were migrations of groups opposed to the central authorities of the qaganate. Such migrations are known to be a rather characteristic feature of steppe empires. As is seen from the written evidence concerning the Rouran qaganate considered by many scholars to be a predecessor of that of the Avars, during the Tuoba Wei campaigns against the Rouran polity, the Rouran tried to take cover behind mountain ranges that seems to be absolutely natural because it was there that they could feel in relative safety.

In our opinion such a location of the Croatian groups is a strong argument in favor of the opinion of those scholars who were prone to connect the initial phase of the Croats' «ethogenesis» with the great internal crisis that took place in the Avar qaganate in 630s. As it was noted by Henrie Gregoire, and after him by Walter Pohl, Neven Budak and Lujo Margetić there exists a similarity between two accounts about the Croats' migration to Dalmatia from the 30th and 31st chapters of Constantine Porphyrogenitus' treatise «*De administrando imperio*» and the story of Kubrat's anti-Avar revolt from patriarch Nicephorus's «*Breviarum*», including the probable identity of the name of the legendary Croatian leader *Hrovatos* (and, hence, of the ethnic name of the Croats)

mentioned in the 31st chapter of «*De administrando imperio*» to that of the chief of the Bulgars called *Krovatos* in Theophanes's «*Chronographia*» usually identified with *Kuvratos* of patriarch Nicephorus. Several decades ago Istvan Bóna made an attempt of linking the conflict between the Avars and Bulgars in the Avar qaganate, described by Fredegar, with the anti-Avar revolt of Kubrat described by patriarch Nicephorus. If we assume that the Croats appeared in the areas where they were for the first time attested in early medieval sources as a result of their migration from the Carpathian Basin caused by their conflict with the central authorities of the Avar qaganate, can we consider them to be Kubrat's supporters leaving the qaganate in 630s?